

0+

Николай Андреев

Ведьма Аглая

Николай Андреев

Ведьма Аглая

«ЛитРес: Самиздат»

1999

Андреев Н. В.

Ведьма Аглая / Н. В. Андреев — «ЛитРес: Самиздат», 1999

Вторая сказка из цикла "Сказки для детей, не ставших взрослыми, и взрослых, оставшихся детьми."

© Андреев Н. В., 1999
© ЛитРес: Самиздат, 1999

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Глава первая	7
Глава вторая	9
Глава третья	14
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	19
Глава первая	20
Глава вторая	23
Глава третья	24
Глава четвертая	26
Глава пятая	28
Глава шестая	30
Глава седьмая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Николай Андреев

Ведьма Аглая

«Когда, выглянув вечером в окно, вы
испытаете радость оттого, что
просто идет снег, что просто на
улице зима, что в доме пахнет празд-
ником и ёлкой, знайте: я уже рядом...»
(Дед Мороз)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Присказка

Глава первая

Начало дня

Двор был пустынен и тих. Снежинки медленно кружились в беззвездном небе, желтый свет ночного фонаря чуть подрагивал на снегу, черная тень от столба, улегшись на ледяную горку, мирно задремала на холодке – всё вокруг спало, дышало умиротворением и покоем.

Но вот из подворотни подул ветерок. Снежинки, словно очнувшись от сна, рассерженным роем белых бабочек набросились на фонарь – то касались его раскаленной лампы, то, обжегши крылышки, отскакивали в сторону, а стоило ветру стихнуть, возвращались на свет, где снова и снова продолжали сонное кружение над землей.

Стараясь не потревожить маму, Леха отошел от окна. Лег в постель и, закрыв глаза, вообразил себе картину, над которой думал весь день – заснеженный хвойный лес, полянку в лесу, а на полянке – избушку с соломенной крышей, из печной трубы которой, сквозь крупные хлопья похожего на белых бабочек сне-га, валил густой серый дым.

До Нового года осталось шесть дней.

Заметив, что Леха проснулся, мама подошла к его кровати. Присела рядом и, едва касаясь пальцами волос, погладила по голове.

– Доброе утро, сынок! Вставай, школу проспичь.

Леха потянулся.

– Доброе утро, мама! Как ты себя чувствуешь? Сердце не болит?

– Сегодня нет.

– Это хорошо!

Леха довольно улыбнулся. Перевернулся с бока на спину и, подложив руки под голову, уставился в потолок.

– А вот интересно, – сказал он после некоторого раздумья, – почему зимой бабочки не живут? Живут же в эту пору птицы, звери, рыбы подо льдом, а вот бабочки почему-то нет.

– Наверное, потому что зимой слишком холодно для них, – ответила мама.

– Наверное.

Леха поднялся с кровати. Чмокнул маму в щеку и, насвистывая веселый мотивчик, побежал умываться.

Завтрак прошел быстро. Леха вкратце обсудил с мамой предстоящую поездку в Григорьевку, рассказал об эпидемии гриппа, из-за которой новогодние ка-никулы начнутся на пять дней раньше, и в конце разговора, перед тем как выйти из-за стола, попросил немного денег.

– На что они тебе? – спросила мама.

– На кисти и краску. Хочу написать новую картину.

– Какую картину?

– Избушку в лесу.

– Избушку в лесу?

– Да. Мама, это будет замечательная картина! Ты только представь: зимний лес, на переднем плане полянка с маленькой избушкой, над которой вьется столб дыма, а вокруг... – Леха обвел рукой кухню, – парят белые бабочки. И ни-чего больше: только лес, избушка да небо в бабочках... Правда, здорово?

Сложив грязную посуду в стопку, мама направилась к мойке.

– Зимой бабочек нет, – сказала она сухим тоном. – И денег у нас тоже нет.

Леха обиженно поджал губы. Но стоило маме сделать еле уловимое движение в его сторону, тут же улыбнулся.

– Нет, так нет, – сказал бодрым голосом. – Ничего страшного. Я карандашами на бумаге нарисую. А как папа вернется, тогда и купим. Правильно?

Положив вымытую тарелку в шкаф, мама вернулась к столу.

Вздыхнула:

– Когда-то он еще вернется.

– Скоро! Он же написал. Сдаст объект, получит расчет и сразу вернется.

– Дай-то бог! – мама вытерла фартуком мокрые руки и, опираясь на плечо сына, села на стул.

Какое-то время она о чем-то напряженно размышляла, потом подняла голову и, жалобно посмотрев Лехе в глаза, попросила:

– Ты уж, пожалуйста, в Григорьевке не задерживайся. Ладно?

– Да не волнуйся ты, мам! Приеду, как обещал, тридцать первого вместе с Борькой... Если, конечно, волки или разбойники на нас в лесу не нападут.

– Что ты такое говоришь, Леша?

– Да шучу я, мам, шучу. Ты что, шуток не понимаешь? Сама подумай, от-куда в Григорьевке разбойникам взяться? Тем более волкам.

– Все равно нельзя так говорить. Запомни: всё, что было сказано, может однажды сбыться.

– Ладно, ладно, я все понял – больше не буду.

– Вот и хорошо.

Мама погладила Леху по щеке.

– Ну, всё, иди, а то еще в школу чего доброго опоздаешь.

Пока Леха обувался, она сняла с вешалки его старое зимнее пальто. Поднесла к светильнику и, внимательно осмотрев, подумала о том, что как это ни при-скорбно, но откладывать покупку новой одежды для сына больше нельзя.

Глава вторая

В школе

Неторопливо прогуливаясь по коридору в перерывах между уроками, Леха с интересом глазел по сторонам. С самого утра его не оставляло ощущение того, что вся школа в этот последний перед каникулами день находилась в состоянии ожидания необыкновенных чудес, без которых, как известно, не обходится ни один Новый год. Всё вокруг: искусственный свет, воздух, лица учеников и учи-телей были настолько пронизаны радостным предвкушением неминуемого чу-да, что оно, казалось, не могло не произойти.

И оно чуть было не произошло.

В самом начале последнего урока в класс вбежала запыхавшаяся завуч Надежда Александровна. Жестом подозвала Лёху к себе и, ничего не объясняя, повела на первый этаж. В вестибюле, подошла к невысокой женщине, укутан-ной в короткую шубку из золотистого меха, и что-то вполголоса прошептала ей на ухо. После чего обернулась к группе одетых в верхнюю одежду учеников, со-стоящей, как заметил Леха, из одних отличников, и, быстро пересчитав по голо-вам, спросила: все ли на месте.

Ей ответили:

– Все!

– Тогда прошу минутку внимания!

Надежда Александровна повернулась лицом к женщине в короткой шубке, кивнула ей, как своей знакомой и, обращаясь к ученикам, произнесла торже-ственным голосом:

– Дорогие ребята! Я с большим удовольствием хочу представить вам Аглаю Революновну – журналиста и фотографа вечерней газеты. Аглая Революновна пришла к нам, чтобы снять, а точнее сказать, сфотографировать лучших учени-ков нашей школы, то есть, вас. Поэтому я убедительно прошу отнестись к пред-стоящему мероприятию со всей серьезностью: не шуметь, не галдеть, не бегать – словом, вести себя прилично... Всем всё ясно?

Прикрикнув на одного из расшалившихся отличников, Надежда Александровна представила гостье слово.

Проводив недовольным взглядом завуча, Аглая Революновна вынула из ши-роких рука-вов шубки тонкие руки.

– Значит так, – заговорила она слегка раздраженным голосом. – Сейчас мы выйдем на улицу, построимся на ступеньках в четыре ряда и быстренько, пока не пошел снег, сделаем несколько снимков для статьи.

– Что за статья? – громко спросил Леха.

Аглая Революновна нахмурилась.

– Статья называется: “Наше счастливое детство”. Поэтому прошу привести себя в поряд-ок: причесаться, пригладиться, поправить шапки. Чтобы всё выгля-дело как на картинке! Еще вопросы есть?

Вопросов не было.

– Тогда прошу! – Аглая Революновна засунула ладони в широкие рукава шубки и кивнула в сторону входной двери.

Пока школьники, весело переговариваясь, выходили из школы, Надежда Александровна нахваливала их Аглае Революновне.

– Это – золотой фонд нашей школы. Все как один – отличники, активисты, умницы. А какие таланты! Возьмите хотя бы Лешу из седьмого «Б». Он у нас настоящий художник. Да-да! Говорят, – наклонившись к уху Аглаи Революнов-ны, завуч понизила голос, – в его руке

любая кисть становится волшебной... Ко-нечно, в этом есть некоторая доля преувеличения, но, поверьте, портреты он ри-сует не хуже Айвазовского.

– Айвазовский не писал портреты, – буркнул проходивший мимо Леха.

– И учится он хорошо, – продолжала Надежда Александровна. – Правда, как многие талантливые люди, немножко любит поспорить, и к тому же... как бы вам сказать...

– Считает себя самым умным. Да? Я угадала?

Не дожидаясь ответа, Аглая взяла стоящий рядом на штативе фотоаппарат и, повернувшись к ней спиной, вслед за Лехой вышла из школы.

***

Пока школьники выстраивались, как им было велено на ступеньках крыльца в четыре ряда, Аглая Револеновна крутилась возле фотоаппарата. Но вот при-никла глазом к окуляру и, подняв левую руку, приказала замереть.

Только сейчас, стоя перед объективом фотоаппарата, Леха понял, что не только ученики и учителя всё сегодняшнее утро мечтали о новогодних чудесах, этих чудес, прежде всего, ждал он сам.

«Нет, в самом деле, – думал он, – разве это не чудо то, что моя фотография в скором времени будет напечатана в газете огромным тиражом и многие совсем незнакомые люди увидят, а, может быть, даже запомнят мое лицо. Впрочем, главное не это, главное...»

Леха представил себе, как где-то в Сибири, в рабочем вагончике, его отец вскроет письмо, как, обнаружив в нем газетную страницу с фотографией сына, будет показывать ее друзьям, начальству, и начальство, увидев, какой у него за-мечательный сын, возможно, раньше времени отпустит домой.

Стараясь не моргать, Леха уставился в объектив фотоаппарата.

Прошла одна секунда, вторая, третья...

Аглая Револеновна подняла голову. Поморщилась, снова приникла глазом к окуляру и снова выпрямилась.

– Эй ты, мальчик в старом капоте! – кивнула она в сторону Лехи.

– Кто? – приложив ладонь к груди, удивленно спросил тот. – Я?

– Да, да, ты. Выйди из кадра!

Леха непонимающе захлопал ресницами.

– Зачем выйди?

– Ты помнишь, как будет называться статья в газете?

– Наше счастливое детство.

– Правильно! А как можно называть детство счастливым, если оно прохо-дит в таком вот оборванном пальто?

Леха осмотрел одежду.

– И нигде оно не оборвано.

– Ты ещё будешь спорить? – воскликнула Аглая Револеновна. – А ну, я ска-зала, выйди!

Увидев, что мальчик не собирается выполнять приказание, она демонстра-тивно отошла от фотоаппарата. Повернулась к Надежде Александровне и сказа-ла строгим голосом о том, что если этот Айвазовский через пять секунд не вый-дет из кадра, она будет вынуждена прекратить съемку.

– Но предупреждаю! За срыв работы вас и вашего директора ждут большие неприятно-сти!

Надежда Александровна обескуражено посмотрела на Леху и Лехино паль-то. Перевела взгляд на окна кабинета директора школы, где, как ей показалось, промелькнула тёмная тень, и неуверенно произнесла:

– Вы только, пожалуйста, не волнуйтесь. Пальто, конечно, не новое, со-гласна, зато, посмотрите, какая у мальчика замечательная улыбка. Это просто прелесть! – Она повернулась к Лехе. – А ну, Леша, улыбнись.

Леха еще сильнее захлопал ресницами.

– Вы что себе позволяете! – Аглая Революновна накинулась на Надежду Александровну. – Вы представляете, что будет, если газета с фотографией этого оборванца попадет на глаза иностранцам! Что они подумают о наших детях, о нас с вами?

– Что?

– Они подумают, что у наших детей нет счастливого детства, и решат, что всё написанное в статье является ложью! Неужели непонятно?

Надежда Александровна задумалась. Еще раз внимательно посмотрела на Леху и беспомощно развела руками.

– Я не знаю.

– Да чего тут знать! В статье говорится о том, что у наших детей есть всё для того, чтобы хорошо учиться, весело отдыхать, и нигде... – она замахала ука-зательным пальцем перед лицом Надежды Александровны, – я повторяю, нигде не сказано про то, что кто-то у нас еще ходит в обносках!

Аглая Революновна строго посмотрела на окончательно растерявшегося завуча. Досадливо махнула рукой и, обращаясь к школьникам, сказала:

– Значит так! Либо ваш Рафаэль Айвазовский немедленно выйдет из кадра, либо статьи в газете не будет. Решайте. Даю три минуты.

С этими словами она засунула ладони в рукава шубки. Отвернулась и, не обращая внимания на учеников, принялась неторопливо прохаживаться по школьному двору.

Ученики зашумели. Одни с нескрываемым возмущением обсуждали слова Аглаи Революновны и призывали Леху стоять до конца, другие, и таких было большинство, принялись уговаривать его не мешать нормальным людям фото-графироваться.

Леха оцепенел. С неподдельным изумлением он глядел на прогонявших его отличников, и пытался найти за собой вину, способную оправдать предательство тех, кого еще минуту назад считал своими приятелями.

– Им всем на меня наплевать! – еле слышно прошептал он стоявшей рядом шестикласснице Оле. – Всем...

После чего, стараясь никого не задеть, вышел из строя. Втянул голову в плечи и, не поднимая глаз, быстро направился к дверям школы.

***

Раз – два – три – четыре, раз – два – три – четыре...

Леха с равномерностью метронома постукивал карандашом по крышке парты и неотрывно наблюдал за тем, как во дворе школы подгоняемые ветром снежинки в ритме траурного марша по несбывшейся мечте, скорбно кружились в сером небе.

Раз – два – три – четыре, раз – два – три – четыре...

На пороге класса показалась Оля. Увидев одиноко сидящего Леху, спросила: почему он не идет домой.

– Всё, Леша! Каникулы наступили!

Раз – два – три – четыре, раз – два – три – четыре...

Не дождавшись ответа, девочка присела рядом. Поправила упавшую на лоб челку и, коснувшись пальцами его ладони, посоветовала не расстраиваться.

– Во-первых, – она загнула мизинец левой руки. – На газетных снимках все на одно лицо, поэтому совершенно не важно, кто там снят на самом деле. А во-вторых...

Оля глубоко вздохнула и, загнув безымянный палец, добавила, что в отличие от нее самой, ему, Лехе, теперь доподлинно известно: кто является его другом, а кто нет.

– Я и так знаю, кто мне друг, – буркнул Леха.

– Кто?

– Борька из Григорьевки... Говорят, мы с ним чем-то даже похожи.

– Он тоже рисует?

Леха отрицательно покачал головой. Сказал, что Борька придумывает песни, а потом поет их. После чего тяжело вздохнул и отвернулся к окну.

За окном все также падал снег. Он падал так быстро, что в какой-то момент Лехе показалось, будто перед его глазами находился не школьный двор, а зана-вешенная сцена, на которой под звуки траурного марша только что была разыграна трагедия одиноких снежинок.

«Представление закончено, – подумал он, – но легче не стало».

Развернувшись всем телом, Леха пристально посмотрел Оле в глаза.

– Скажи: ты тоже считаешь, что меня правильно выгнали из кадра, да?

Оля на секунду замешкалась. Потом, испугавшись, что ее заподозрят в том, что она одобряет решение отличников, энергично замотала головой.

– Конечно, нет! Как ты мог подумать? Они не имели права так поступать с тобой!

Леха отвернулся к окну и снова забарабанил карандашом по крышке парты.

– Ничего, ничего, – сказал он. – Вот приедет папа, купит мне самое лучшее пальто, тогда и посмотрим, кто из нас ходит в обносках.

– А где твой папа?

– На севере, в Сибири... Тебе-то чего?

– Что он там делает?

Леха бросил карандаш на парту. Мучаясь оттого, что ему приходится говорить о вещах крайне неприятных, связанных с близкими, и от этого неприятных вдвойне, выпалил:

– Деньги зарабатывает! Маме необходима операция в Москве, платная, дорогая. Здесь таких денег не заработать, поэтому он уехал на север.

– И когда приедет?

– Как заработает на операцию, так и приедет... Вот только, – вздохнул Лё-ха, – платят там не так много, как нам надо.

– Понятно... А что вы собираетесь делать, если папиных денег будет недостаточно для оплаты операции?

– Не знаю. Может, мне удастся написать картину, которую кто-нибудь купит, может еще что... Эх! Если бы мои картины продавались. Я бы тогда всё до последней копейки маме отдал.

Оля схватила обеими руками Лехино запястье и, как можно убедительнее, произнесла:

– Твои картины будут цениться наравне с классиками! Поверь мне. Я знаю, что говорю!

Леха смущенно потупил глаза.

– Ну... – пробормотал он, – не всё так просто.

– Конечно, не просто. Но ты такой талантливый, такой умный, мне так нравится, как ты рисуешь!

Леха смущенно улыбнулся. Решив, что девочке будет приятно получить в подарок рисунок, предложил что-нибудь нарисовать для нее. Достал из портфеля коробку цветных карандашей, ластик, тетрадь. Вырвал из тетради чистый лист и задумчиво посмотрел в потолок.

Спросил:

– Хочешь, я тебе нарисую Аглаю Революновну?

– Фу! – поморщилась Оля. – Не хватало еще на эту ведьму бумагу тратить.

– Почему ведьму?

– Ее журналисты так прозвали. Мне об этом бабушка сказала, она у них в редакции гардеробщицей работает.

Потрогав кончиком указательного пальца острие карандаша, Леха согласно кивнул.

– А что, похожа, – согласился он с мнением журналистов. – Знаешь что? Давай, я тебе нарисую настоящую ведьму.

– Такую, как Аглаю Револеновна?

– Такую, как Аглая Револеновна, – сказал Леха. – Точь-в-точь.

Он еще раз потрогал пальцем острие карандаша. Прищурившись, внимательно посмотрел на лежащий перед ним чистый лист бумаги и приступил к работе.

Глава третья

Картинки для Оли

Сначала он нарисовал женщину на табурете. Потом добавил к ушам сережки и, после некоторого раздумья, изменил форму губ, сделав их чуть тоньше и злее.

Увидев перед собой портрет Аглаи Револеновны, Оля восхищенно прошеп-тала: «Здорово! Но точь-в-точь не получилось». Цвет лица у ведьмы на портре-те, по ее мнению, был более темным, чем у оригинала, волосы менее ухожен-ными, а слегка горбатый нос пересекали крест-накрест две неизвестно откуда взявшиеся царапины. И одета она по-другому. Настоящая Аглая Револеновна носила легкую шубку из золотистого меха, высокие белые сапоги, нарисованная – длинную до колен то ли кутку, то ли теплый пиджак – капот, как назвал его Леха – бесформенную юбку и серые валенки.

Осторожно, чтобы не помять, Оля положила листок обратно на парту.

– Но все равно: здорово! – сказала она. – Сразу видно, что это – ведьма. Вот только непонятно, где она находится и что делает.

Леха почесал мочку уха. Подумал несколько секунд и снова взялся за каран-даш.

Через несколько минут над головой ведьмы Аглаи появился потолок, бре-венчатые стены с окном, за которым проступали очертания зимнего леса, пол, лавки вдоль стен, следом – русская печь и деревянный не струганный стол.

– Очень хорошо! – оценила работу Оля. – Только чего-то, на мой взгляд, все же не хватает. Какой-то маленькой детали.

Леха нахмурился и еще раз внимательно посмотрел на свое творение. Не от-рывая взгляда от нарисованного лица ведьмы, взял с парты простой карандаш и нанес под ее глазами два еле заметных штриха.

Оля ахнула:

– Вот! Именно это я и имела в виду! Именно это! – Она восторженно за-хлопала в ладоши. Покачала головой и тихо добавила: – Леша – ты гений!

***

Тем временем где-то посреди безжизненной и чистой, как белый лист бумаги неведомой земли, появилась неподвижно застывшая женщина в капоте. Выста-вив плечи и согнув руки в локтях, она с широко открытыми немигающими гла-зами сидела, не двигаясь, в воздухе. Ее головы касался ветер, но волосы не ше-велились; она опиралась ногами в пустоту и не падала; в ней не было ни капли жизни, однако она была не мертва – женщина просто сидела на табурете, и, ка-залось, чего-то ждала.

И тут, как по мановению волшебной палочки, над ее головой вдруг появился закопчен-ный потолок. Под потолком сами собой воздвиглись стены с некраше-ным полом, за един-ственным в избе окном поднялся сосновый бор и выпал пер-вый снег. А дальше...

Стоило Лехе нанести под глазами ведьмы два еле заметных штриха, как женщина в капоте глубоко и судорожно вздохнула. В недоумении осмотрев-шись по сторонам, осторожно встала и, словно испытывая ноги на прочность, медленно прошла по избе. Выглянула в окно, понюхала воздух и, переведя взгляд на свою одежду, глубоко задумалась.

***

– Какой же ты, Леша, все-таки молодец! – глядя на портрет, Оля поправила загнутый уголок бумаги. Разгладила листок тыльной стороной ладони и до-бавила: – Не знаю, кого ты рисовал, но нарисовал ты Аглаю Револеновну. Имен-но такой я видела ее, когда она выгоняла тебя из кадра.

– Возможно. Не зря же ее прозвали ведьмой.

– Не зря... Еще бабушка говорила, что Аглая Револеновна хорошо рисует красками, громко поет и что у нее дома живет большой говорящий попугай.

– Предлагаешь и его нарисовать? – засмеялся Леха. – Пожалуйста! Как го-ворит мой друг Борька, мне не жалко. Смотри!

Он взял зеленый карандаш и, почти не отрывая его от бумаги, пририсовал к плечу ведьмы Аглаи большую размером с ворону птицу.

***

Увидев внезапно появившегося на плече попугая, женщина в капоте вздрог-нула. Осто-рожно двумя руками сняла его с себя, поставила на стол и, проглотив комок в горле, спросила:

– Как... – она поперхнулась, – как тебя зовут, птичка?

Попугай отряхнул сначала одну лапку, потом другую. Засунул голову под крыло и при-нялся с невозмутимым видом чистить перышки.

– Попка? – прислушиваясь к своему голосу, спросила женщина.

Попугай не отвечал.

– Гоша? Кокоша? Татоша? Как? – женщина вопросительно посмотрела на птицу. Не дождавшись ответа, хлопнула ладонью по столу.

Попугай нехотя вынул голову из-под крыла. Внимательно посмотрел куда-то в сторону печи и, зевнув, опять принялся чистить перышки.

– Хорошо, – злорадно произнесла женщина в капоте. – Не хочешь говорить – молчи. Но за это будешь у меня зваться Попка-дурак.

Попугай задумался.

– Кеша меня зовут, – прохрипел он. И чтобы хозяйка окончательно запом-нила это имя, добавил: – Кеша хочет есть.

***

Осмотрев нарисованную ведьму с попугаем на плече, Оля спросила: чем она занимается.

– Колдует, наверное, – зевнул Леха. – Чем еще может заниматься нормаль-ная ведьма?

– А как она это делает? У нее же, посмотри, в доме абсолютно пусто!

– Сейчас всё будет.

Леха взял с парты карандаш и нарисовал маленькое зеркальце на столе.

Оля спросила: что это.

– Волшебное зеркальце, – ответил Леха, – а это... – он пририсовал к стене полку, застав-ленную старыми книгами и глиняными горшками различного раз-мера, – справочная литера-тура с химической лабораторией.

Подтерев ластиком широкий рукав капота, он аккуратно положил карандаш на место.

– Ну вот, теперь, кажется, всё... Колдуйте на здоровье, ведьма Аглая!

Глядя на то, с каким удовольствием Леха рассматривает свой рисунок, Оля рассмеялась.

– Да-да! Колдуйте!

***

С изумлением посмотрев на появившуюся в избе полку, женщина в капоте провела ладонью по корешкам книг. Осторожно взяла в руки один из горшков, открыла крышку и, понюхав его содержимое, аккуратно поставила на место. Подвинула к себе стоявшее на столе зеркальце и, коснувшись пальцем царапин на носу, внимательно осмотрела себя со всех сторон.

– Что тут происходит? – спросила свое отражение. – Я не понимаю.

В ответ отражение задрожало, затуманилось, после чего в зеркальце появились фигуры мальчика, увлеченно рисующего карандашом, и девочки, внимательно наблюдающей за его работой.

– Сразу видно, что это – ведьма, – сказала девочка. – Именно такой, я видела ее, когда она прогоняла тебя.

– Возможно, – пожал плечами мальчик.

– А как ты думаешь, чем она занимается?

– Колдует, наверное. Чем еще может заниматься нормальная ведь... Чем еще может заниматься нормальная ведь... Чем еще может заниматься...

Женщина в капоте осторожно щелкнула длинным кривым ногтем по краю зеркала.

– Ну вот, теперь, кажется, всё, – довольно произнес мальчик. – Колдуйте на здоровье ведьма Аглая!

– Спасибо, – ошеломленно ответила женщина в капоте.

Удивленно покачала головой и, не отрывая от зеркальца напряженного взгляда, принялась наблюдать за детьми дальше.

***

Взяв в руки рисунок, Оля спросила:

– Леша, скажи, а тебе не жалко?

– Чего?

– Кого. Ведьму Аглаю! Посмотри на нее. Сидит одна-одинешенька с попугаем на плече в маленькой избушке, словно в пустой темнице, и никого вокруг себя, бедная, не видит.

– Кого она, простите, должна видеть?

– Ну, не знаю. Людей, наверное. Она же хоть и ведьма, но всё-таки человек. Как ты думаешь?

Леха задумался.

– Предлагаешь нарисовать еще кого-нибудь?

– Если не трудно.

Немного поразмыслив, Леха ответил: не трудно. Взял в руки тетрадь, вырвал из середины двойной лист и, посмотрев на Олю, деловито спросил:

– Кого будем рисовать на этот раз?

– Кого хочешь. Хочешь, какой-нибудь сказочный город с людьми, хочешь, папу ведьмы Аглаи – несчастного старца Революна.

– Что у нас со старцем? – делая первые наброски, спросил Леха.

– Бабушка сказала, что ведьма Аглая... то есть, Аглая Революновна сдала его в дом престарелых.

Леха огорченно покачал головой. Сказал, что называть ведьму по отчеству, в таком случае, излишне.

– Если отец ей не нужен – а он, как я понял из твоих слов, не нужен – то и отчество ей совершенно ни к чему... Готово!

Оля взяла портрет согнувшегося в три погибели благообразного старца Революна, бородатое лицо которого выражало страдание, причиняемое болезнями и предательством любимой дочери, и недовольно поморщилась.

– Опять ты нарисовал человека в воздухе. Опустим его, пожалуйста, на землю.

– Ладно. Будет тебе земля.

Взяв другой карандаш, Леха принялся за изображение города.

Сначала вокруг старца Революна появились люди. Одни из них были одеты в тяжелые овчинные тулупы, другие – в отороченные светлой каймой стеганые куртки, долгополые кафтаны и суконные сермяги. Над их головами возвышались заснеженные крыши домов, золотые маковки церквей, сторожевые башни крепостных стен.

Глядя на рисунок, Оля внезапно вспомнила старинное русское слово, лучше всего, по ее мнению, подходящее для оценки этой картины – лепота.

Услышав его, Леха засмеялся.

– Понравилось?

– Очень! Кстати, что это за город? Что за царство-государство такое?

Леха пожал плечами.

– Не знаю... Пусть это будет царство славного Салтана.

– Да ну! Пушкин своего царя Салтана придумал лет двести назад, а столько даже в сказках не живут.

– Не живут, – согласился Леха. – Поэтому сейчас в царстве Салтана правит его прапрапраправнук.

– Кто именно?

– Кто именно? Ну, скажем, царь Платон.

– Покажи!

Леха вытащил из портфеля новую тетрадку. Вырвал из середины еще один двойной лист и снова взялся за карандаш.

Оле Платон не понравился сразу. Угрюмый, щуплый, невзрачный, что было особенно заметно на фоне окружавших его важных бояр, он показался ей мало-подходящей кандидатурой на престол жизнелюбивого царя Салтана, о чем она не преминула сообщить Лехе, едва тот закончил рисовать.

– А какого царя тебе еще надо? – обиженно спросил тот. – Посмотри на него! И умен, и образован...

– Да любого! Лишь бы он не был таким некрасивым. – Презрительно кивнув на портрет Платона, Оля добавила. – Хочу, чтобы он был крепким, сильным, и чтобы у него было открытое русское лицо... Да, чуть не забыла! Еще он должен быть добрым и храбрым!

– Так это тебе Борька нужен! – засмеялся Леха.

Вспомнив о предстоящей поездке в Григорьевку, он украдкой бросил взгляд на наручные часы.

– Хорошо! Пусть будет по-твоему – переводим Платона из разряда царей, в разряд одного из претендентов на это высокий пост.

– Кто другой претендент?

– Их много. Но главный из них – князь Борис!

Сыграв пальцем на губе торжественный туш, Леха подвинул к себе коробку цветных карандашей.

Думая о Борьке, Леха в своем воображении рисовал его таким, каким больше всего любил – отчаянным в минуты опасности, чуть-чуть наивным во время умных бесед и очень-очень добрым. Он тут же вспомнил своих приятелей-отличников и подумал, что Борька, оказись на их месте, никогда бы не поступил так, как они.

– Так это и есть твой Боря? – внимательно разглядывая портрет князя, спросила Оля.

– Да.

– А он ничего... И совсем даже на тебя не похож.

– Неправда! Мы с ним, как братья!

Оля рассмеялась.

– Ну, ты скажешь! Посмотри на себя в зеркало. Ты – высокий, серьезный, я бы даже сказала, интеллигентный. А Боря, сразу видно, простой деревенский парень. Сильный, добрый и очень даже ничего – симпатичный, в отличие от не-которых из седьмого «Б».

Леха обиженно поджал губы.

– Ладно, – спросил он. – Что дальше?

– Не знаю, – пожала плечами Оля. – Рисуй, что хочешь. А я, если ты не против, просто посижу рядом, посмотрю, как ты это делаешь.

Немного подумав, Леха взял простой карандаш и принялся выводить на бумаге заснеженный хвойный лес, уютную полянку, а посередине – маленькую избушку с соломенной крышей, из печной трубы которой, сквозь крупные хлопья падающего с неба снега валил густой серый дым.

– Я бы этот рисунок назвала «Леший лес», – задумчиво сказала Оля.

– Тогда уж лучше: «Ведьмина избушка в лешем лесу». Кстати, почему леший?

– Потому что так в древности называли дикий лес. Ведь тут, посмотри, ни-кого нет, кроме разве что какого-нибудь лесника да случайно забредших волков...

– И разбойников!

Оля согласилась: да, и разбойников.

Леха снова посмотрел на часы, после чего принялся торопливо складывать карандаши в коробку.

– Что-то многовато народа для лешего леса, – усмехнулся он. – Не находишь?

– Нет, не нахожу. Леснику по должности полагается быть в лесу. Что же касается разбойников, то они, как правило, прячутся там, где их труднее всего поймать. То есть также как и волки – в глухом лесу.

– Логично, – рассмеялся Леха. – Беру свои слова обратно.

Выставляя вперед поочередно то одно, то другое плечо, он тщательно отряхнул пиджак.

– Уже уходишь? – спросила Оля.

– Уезжаю.

– Куда?

– В деревню. В Григорьевку. К Борьке.

Опустив голову, Оля еле заметно пожала плечами.

– Ну что ж, счастливого пути! Передавай ему от меня привет.

Посмотрев на расстроенное лицо шестиклассницы, Леха, немного смущаясь, поблагодарил ее. Помахал рукой и, пообещав позвонить, как только вернется в город, первым вышел из класса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Сказка

Глава первая

Царство Салтана

Подождав, когда за Лехой закроется дверь, ведьма Аглая медленно провела ладонью по стеклу волшебного зеркальца. Изображение исчезло.

– Ненавижу мальчишек! – трогая пальцем царапины на носу, процедила она сквозь зубы. – И девчонок тоже. А паче всех – художников! Нет, это ж надо было додуматься – рисовать меня без мово на то ведома! Ну, ладно бы такую, какая есть, не жалко. Так нет же, намалевал черт знает что с двумя царапины на носу. Не прошу! – Заключила ведьма Аглая и решительно подвинула к себе волшебное зеркальце.

Щелкнув по нему длинным кривым ногтем, приказала:

– А ну, покажи-ка мне, чего тут у нас творится!

В ответ отражение в зеркальце задрожало, зарябило. Потом сквозь дрожь и рябь проявилась площадь, запруженная людьми, одетыми, кто в тяжелые овчинные тулупы, кто в отороченные светлой каймой стеганые куртки, долгополые кафтаны и суконные сермяги...

– Видала уже, – сказала ведьма Аглая. – Дальше давай!

В ту же секунду изображение площади исчезло – появилась фигура князя Платона. Молодой князь в окружении важных бояр сидел рядом с пустым царским престолом и слушал выступление невысокого сутулого человека.

– ... стало быть, – заканчивал свою речь сутулый человек с тяжелой книгой в руке, – огласить имя нового царя можно токмо апосля изучения всей Степенной книги, дабы ненароком ошибки какой не учинить.

– Ты, дьяк, не юли, аки змея! – стукнул об пол посохом один из бояр. – Чем тебе не люб князь Платон? Отвечай прямо!

Дьяк согнулся в низком поклоне.

– Не сердчай, Илья Васильич, – сказал он. – Токмо ведь, прежде чем принять решение, разобраться сперва надобно... Старый-то царь-батюшка, царство ему небесное, наследника нам, сиротам, не оставил, вот и выходит, что право на престол имеют все его потомки. А их у нас, благодетель, почитай, не меньше дюжины наберется.

– Князя Бориса на царский венец! – встав во весь рост, гаркнул высокий молодой боярин. – Его род самый что ни на есть знатный!

– Брешешь, Митяйка! Как лисица, брешешь! – закричал на него боярин Илья Васильевич. – Самый знатный род, ведомо всем, князя Платона. Мы с им, – добавил он, ударив себя в грудь, – прямые потомки князя Гвидона, а князь Гвидон, всем ведомо, законный сын царя Салтана и одной из трех сестриц, первая из которых была повариха, вторая – ткачиха...

– А третья? – не надеясь услышать ответ, спросила ведьма Аглая.

– А третья... – засмутился боярин. – Ну, она это... была мастерицей по другой, по женской части.

Воспользовавшись заминкой, боярин Митяй Романович – тот, который предлагал отдать царский венец князю Борису – вскочил с лавки. Взмахнул по-сохом и принялся во весь голос орать о том, что бедное царство Салтана за свою многолетнюю историю столько натерпелось от всякого рода самозванцев, что еще одного – князя Платона, оно не выдержит.

Это речь вызвала настоящий взрыв возмущения боярина Ильи Васильевича.

Никого не слушая, он закричал о том, что Платон никакой не самозванец, а природный князь, в отличие, кстати, от того же Бориски, чья бабка, как известно, еще каких-то полвека назад самолично пасла свиней и ни о каком другом венце, кроме брачного, страхолюдина, мечтать не смела.

– Потому как, хоть и была она знатного роду, но, в отличие от своего непу-тевого внука, шесток свой знала!

Боярин Митяй Романович в ответ на это нарочито громко расхохотался, как бы давая понять, что не верит ни единому сказанному слову. Ткнул пальцем в князя Платона и обозвал его малахольным.

Все ахнули, а боярин Илья Васильевич, тихо вскрикнув, схватился за сердце.

– Зато князь Бориска, – жалобно сказал он, отстраняя от себя доброхотов, – сказывают, вовсе скудоумный! И что место ему не на троне Салтана, а на па-перти, рядом с такими же, как он, юродивыми.

– Он не скудоумный, – миролюбиво возразил Митяй Романович, – и не юродивый, а горячешный. Бог даст, поправится.

– А коли не даст?

– А коли не поправится, так и не беда, – безмятежно ответил боярин. – Пу-щай себе хворает на здоровье. Покуда я жив, будет кому страх на вас наводить.

При этих словах боярин Митяй Романович, выпятив грудь, важно осмотрел присутствующих.

Поняв, еще немного и сторонники Ильи Васильевича вцепятся Митяю Романовичу в бороду, думный дьяк, до того скромно стоявший в сторонке, сперва деликатно кашлянул, потом тихо воззвал:

– Бояре! Будет-то вам собачиться! Дозвольте слово молвить.

Бояре переглянулись. Покряхтели, попеняли дьяку на его неслыханную дер-зость, и потихоньку расселись по местам.

Милостиво разрешили:

– Сказывай, что хотел.

Дьяк раскрыл толстую книгу, которую всё это время держал в руках. Поли-стал, затем решительно захлопнул.

– Разобраться сперва надобно. Проследить по Степенной книге, кто какого роду есть. И тот, кто окажется самым близким царю-основателю Салтану, будет достоин к миропомазанию на царство его. А иному, бояре, не бывать.

– Так открывай скорей свою книгу да говори: кто там самый близкий, – вы-крикнули из дальнего угла. – Не томи!

– Правильно, – согласился боярин Митяй Романович. – Князя Бориса на ве-нец!

– Не могу я сказать, – опередив возмущенный ропот бояр, ответил дьяк. – Потому как потомками царя Салтана мнят себя почти что дюжина князей. А стало быть, надобно проверить родословную каждого из них, дабы ошибки ка-кой ненароком не учинить.

– Ты хочешь сказать, – возмущенно произнес боярин Илья Васильевич, – что новым царем может стать не князь Платон?

Дьяк виновато развел руками.

– И не князь Борис? – не менее возмущенно спросил боярин Митяй Романович.

– Интересно, интересно, – прошептала ведьма Аглая.

Протерев зеркальце рукавом капота, она с неподдельным интересом приня-лась наблюдать за событиями, происходящими в покоях царского дворца даль-ше.

Однако на этом все закончилось. Задав думному дьяку несколько ничего не значащих вопросов, бояре, посовещавшись, решили дать ему два дня на то, что-бы проследить родословную каждого, считающего себя потомком царя Салтана, и в назначенный срок поведать Думе о полученных результатах.

– Очень интересно, – еще раз задумчиво прошептала ведьма Аглая.

С досады хлопнув ладонью по столу, громко воскликнула:

– Ах, если б я только могла заполнить эту Степенную книгу хотя бы на мгновение!

– Не сможешь, – уверенно произнес Кеша.

– Это почему?

Широко зевнув, попугай сказал, что Степенную книгу она никогда не получит, потому что троечница – соображалки не хватит.

– А ты кто? – обиделась ведьма Аглая. – Отличник, чтобы такое мне говорить?

– Я, может, и нет, а вот он – да. – Кеша кивнул на волшебное зеркальце, показывающее спешащего на вокзал Леху. – С Борькой они всё что угодно тебе сделают.

Ведьма Аглая задумчиво посмотрела на мальчика. И в тот момент, когда тот, перейдя улицу на зеленый сигнал светофора, направлялся к зданию автовокзала, она вскочила на ноги, подбежала к полке, свалила книги на стол, схватила первую попавшуюся под руку, быстро пролистала и, с ходу наткнувшись на нужное место, прочитала вслух:

«Вьюга, ведьмина подруга!

Ты взлети под небо, вьюга.

Закружи над чистым полем,

Разнеси беду, напасти.

Будь моей послушна воле!

Будь моей покорна власти!»

В ту же секунду за окном поднялась метель. В горнице стало темно, уютно, а где-то в сенях, за дверью, тоскливо завыл ветер.

Вжавшись в табуретку, ведьма Аглая испуганно прислушалась к доносящимся снаружи звукам непогоды. Еще раз заглянув в книгу, закрыла ладонями уши и громко выкрикнула:

– Вьюга, доставь мне мальчика-отличника Лешу и его друга Борьку из Григорьевки!

В оконную раму ударил порыв ветра, отчего та чуть не треснула, в сенях кто-то жалобно ахнул, ухнул, потом с громким стуком что-то опрокинулось на пол, а потом... все стихло.

Ведьма Аглая, не шевелясь, сидела на табуретке с закрытыми ладонями ушами и с ужасом ждала, что будет дальше. Через минуту, поняв, что опасаться нечего, опустила руки и вытерла пот со лба.

И тут раздался стук в дверь.

Глава вторая

В лешем лесу

Каждый раз, отправляясь на каникулы в Григорьевку сначала к бабушке, потом и к Борьке, Леха испытывал ни с чем ни сравнимую радость. Горы, река, луга, которые деревенские жители называли выпасами, отсюда, из города, казались роскошными декорациями, построенными исключительно ради того, что-бы он, Леха, два раза в год мог позволить себе отдохнуть от тягот и забот городской жизни. Часами просиживая за учебниками, ссорясь с забияками или лоя на себе презрительные взгляды хорошо одетых одноклассников, он утешал себя тем, что однажды уедет на каникулы в деревню, туда, где не придется корпеть над решением нескончаемых задачек, драться, в очередной раз доказывая, что ты не трус, и стыдливо отводить глаза, встречая взгляды одетых еще хуже, чем он сам, деревенских мальчишек.

«Скорее бы в Григорьевку!» – торопил он время, поглядывая на часы.

Перейдя улицу на зеленый сигнал светофора, Леха обогнал медленно движущуюся по узкому тротуару вереницу людей с дорожными сумками в руках и вышел на широкую расчищенную от снега площадку, где в ожидании пассажиров стояли междугородные автобусы.

«Можно было не спешить, – в очередной бросив взгляд на часы, подумал Леха. – Зря бежал».

Он поднял воротник пальто. Засунул руки в карманы и, с удовольствием от-метив про себя то, что до встречи с Борькой осталось совсем немного времени, направился к зданию вокзала.

Погода тем временем быстро портилась. Поземка, едва различимая в тесноте городских кварталов, незаметно перешла в легкую вьюгу, вьюга – в сильный бу-ран, буран – в снежную бурю.

Подняв в небо тучу снега, ветер обрушил его на плечи прохожих. Всё вокруг закружилось, закрутилось, завертелось. Запорошенный с головы до ног Леха по-чти сразу ослеп и оглох. Из последних сил, удерживая на голове шапку, он то стоял на полусогнутых ногах, то, как ему казалось, летел, подхваченный порывом ветра куда-то ввысь, вслед за выроненным портфелем, то по чьей-то недоб-рой воле падал на мягкую землю.

Буря продолжалась недолго. Через минуту также внезапно, как началась, она улеглась, утихла и перешла в легкую поземку, устало перекатывающую из сто-роны в сторону клубы снега, подобно тому, как шаловливый котенок перекаты-вал из последних сил клубок шерстяных ниток.

Осторожно, не делая резких движений, Леха выпрямился. Поправил сбив-шуюся набе-крень шапку, протер запорошенные снегом глаза и ахнул – перед ним точь-в-точь как на его рисунке стояла маленькая избушка с соломенной крышей, а за ней насколько хватало взгляда, простирался заснеженный лес.

– Не может быть, – прошептал он, уже смутно догадываясь о том, кому принадлежит это затерянное в глухом лесу жилище.

Не зная, что делать дальше, он растерянно осмотрелся по сторонам. Развел руками и с обреченным видом направился в сторону избушки. Поднялся на крыльцо, отряхнул ботинки от налипшего снега и громко постучал в дверь.

Глава третья

Три условия ведьмы Аглаи

Ведьма Аглая осторожно, на цыпочках, подошла к окну. Увидев на крыльце запорошенного с ног до головы мальчика, радостно, оттого, что всё вышло так, как она задумала, захлопала в ладоши. Покрыла голову платком и, придав лицу недовольный вид, отодвинула засов.

– Тебе кого? – строго спросила стоявшего на пороге Леху.

Не зная, что ответить, Леха пожал плечами.

– Да вот, шел мимо, дай, думаю, зайду, посмотрю, кто тут в теремочке жи-вет, кто тут в невысоком живет...

– Посмотрел?

– Посмотрел.

– Ну и проходи дальше, – бросила ведьма, хлопнув дверь перед самым Лехиным носом.

Леха удивленно пожал плечами: как, мол, так. Нерешительно потоптался на крыльце и, пожившись от холода, постучал снова.

«Н-да... – подумал он, поглядывая на обступивший со всех сторон избушку лес, – это я, конечно, загнул, сказав, что шел мимо... Глупо получилось».

– Откройте, Аглая Револоновна! Это я – Леша из седьмого «Б». Мы с вами утром встречались. Помните?

Дверь тут же отворилась.

– Когда это мы с тобой встречались? Ты, как я погляжу, доселе еще не по-нял, кто я?

Не дожидаясь ответа, она недовольно махнула на мальчика рукой, и велела перед тем, как войти в избу, отряхнуть с обувки снег.

– Ну, так как? – войдя в горницу, еще раз спросила ведьма. – Догадался, где ты?

Леха бросил растерянный взгляд на затопленную печь, как две капли воды похожую на ту, что нарисовал для Оли, и удрученно выдохнул:

– Ну и дела! Кажется, я в царстве Салтана.

Ведьма захихикала.

– Молодец! Правильно.

– А вы, я так понимаю, ведьма Аглая?

– Самая что ни есть настоящая, можно даже сказать, потомственная.

Леха понимающе кивнул.

– Ясно. А я как здесь оказался, можете сказать?

Услышав этот вопрос, ведьма Аглая с довольным видом потерла руки.

– Так это я тебя, милоч, заманила! Заклинанием, так сказать, и ворожкой.

– Зачем?

– Затем, чтобы ты послужил мне.

– Что значит, послужил? Я вам что, собачка? – обиделся Леха. – Впрочем, кажется, догадываюсь... Вы заманили меня за тем, чтобы я исполнил три ваших желания. Так? И отпустите, разумеется, только после того, как я их выполню?

– Вообще-то, я думала только об одном...

– Ну да. Пойти туда, не знаю куда, принести то, не знаю что. Но чтобы это-го ни у кого, кроме вас не было.

– Послушай...

– А спеть и сплясать не надо? Я могу! – Леха присел на корточки и выкинул коленце. – Калинка, калинка, калинка моя! – заорал он, размахивая руками-ногами. – В саду ягода малинка, малинка моя!

А потом, резко бросив петь, топнул ногой.

– Немедленно отправьте меня туда, откуда взяли! А лучше – сразу в Григорьевку. Слышите? Немедленно!

Огорченно покачав головой, ведьма Аглая села на лавку.

– Вообще-то, я хотела попросить выполнить одно желание, – нервно заба-рабанила она пальцами по столу. – Но коли настаиваешь, я согласная. Пусть бу-дет три.

И так расстроившись из-за своей выходки, грубой, к тому же, как оказалось, бесполезной, Леха чуть не расплакался.

– Какие еще три желания! Мне в Григорьевку надо!

Словно не слыша обращенных к ней слов, ведьма Аглая потрогала пальцем царапины на носу.

– Значит, так, слушай меня внимательно. Для того чтоб воротиться домой, тебе надобно... Первое: достать мне Степенную книгу. Второе: пойти туда, не знаю куда, принести то, не знаю что...

– Но чтобы этого ни у кого не было, – голосом Лехи, ехидно добавил Кеша.

– Да. И третье... – задумалась ведьма.

– Спеть и сплясать!

С этими словами попугай поджал лапку и, раскачиваясь из стороны в сторону, принялся фальшиво насвистывать торжественный туш, который Леха играл пальцем на губе, перед тем, как начать рисовать портрет Борьки.

– Пожалуй, – согласилась с попугаем ведьма. – Спеть и сплясать.

Услышав последнее требование, Леха гордо выпрямил спину.

– Никогда! – сказал он с дрожью в голосе. – Вы слышите: никогда никто не заставит меня петь и плясать против воли. Я вам не собачка! Запомните это, Аг-лая Револеновна. Или как вас там... Ведьма Аглая!

С этими словами Леха надел шапку. Повернулся к хозяйке спиной и, громко хлопнув дверью, вышел из избы.

С негодованием вспоминая унижительные условия, поставленные ведьмой Аглаей, Леха лез через сугробы туда, где лес был реже и светлее и мечтал о том времени, когда он, преисполненный справедливого гнева, напомнит ей о ее не-благовидном поступке.

– Напоминаю! – донесся до него голос вышедшей на крыльцо ведьмы Аглаи. – Степенная книга мне надобна самое позднее послезавтра... На один миг... Принесешь на поварню царского дворца... Не забудь... Послезавтра...

Она прокричала еще что-то, но разгулявшийся к вечеру ветер унес слова в сторону, туда, где, как подумалось Лехе, находилась дорогая его сердцу Григорьевка.

Пройдя еще несколько шагов, Леха выбился из сил. Остановился, уткнулся лицом в снег и закрыл глаза.

До нового года осталось пять дней.

Глава четвертая

Козьма и Миколка

– Смотри-ка, тятя, живой! – раздался похожий на звон колокольчика дет-ский голосок.

– Я же говорил: почивает он. Не мешай, – отозвался хриплый мужской го-лос.

И снова колокольчик:

– А как же, тятя, он почивает, коли у него глаза открытые?

– Видать, проснулся.

До Лехиной ушей донесся звук приближающихся шагов. Прошла секунда, другая и над ним нависла фигура бородатого мужика.

– Ну, ты и горазд дрыхнуть! – добродушно рассмеялся он. – Бока-то еще не отлежал?

Приподнявшись на локтях, Леха обвел мутным взглядом комнату, обстав-ленную при-мерно так же, как и горница ведьмы Аглаи.

– Где я?

– Известно где, – ответил бородач, – в лешем лесу.

Облизав языком высохшие губы, Леха перевел взгляд на сидящего у ног ма-ленького белобрысого мальчика.

– Как я попал сюда?

– Тебя тятенька подобрал, – зазвенел колокольчик. – Кабы не он, ты б всю ночь прова-лялся в снегу... Тебя как величать-то?

– Леша. А вас?

– Меня Козьма, – ответил мужик. – Чадо – Миколкой.

– Очень приятно.

Не зная, принято ли здесь пожимать руки, Леха посмотрел на свою ладонь. Немного подумал и убрал под одеяло.

– Спасибо вам, – как можно искреннее сказал он Козьме.

– Дык! – ответил тот, – завсегда рады помочь хорошему человеку.

Он нагнулся и, внимательно посмотрев на Леху, спросил:

– Чего с лицом? Не обморозил?

Потрогав щеки, Леха сказал: нет.

– Не успел.

– Ну и хорошо! – произнес Козьма. После чего бросил озабоченный взгляд в сторону окна.

– Вы тут, ребятки, посидите пока, дров нарубите, а мне за сеном съездить надобно.

– Далече? – спросил Миколка.

– Дык... версты три в один конец, думаю, будет.

Миколка сощурил один глаз, мысленно прикидывая, сколько времени зай-мет дорога, и вздохнул-выдохнул:

– Тятенька! Возвращайся скорее.

Козьма подхватил сына на руки. Подбросил под потолок и, смачно чмокнув в лоб, опу-стил на пол.

– Ну, бывайте!

С этими словами он обул валенки, накинул на плечи овчинный полушубок, нахлобучил на голову шапку и, помахав на прощанье, вышел из избы.

***

Леха любил рубить дрова. Наблюдая за тем, как чурбан становится тоньше, а поленница выше, он чувствовал себя человеком, выполняющим хоть и не большую, но крайне важную для общества работу.

Вытерев пот со лба, он с улыбкой посмотрел на балующегося с рыжим щенком Миколку.

– Это что за порода? – спросил его.

– Это не порода, – ответил Миколка. – Это волчок.

– Да ты что?

– Он потерялся. Его тятенька нашел, а я покормил... Подь сюда!

Щенок, виляя хвостом, послушно подбежал к мальчику.

– Надо же! – наблюдая за удивительной парой, покачал головой Леха. – Волчок.

Закончив рубить дрова, Леха присел на ступеньки крыльца рядом с заску-чавшим Миколкой.

Спросил:

– Где твой волчонок? Убежал?

Миколка обиженно махнул рукой куда-то в сторону избы.

– Должно быть, умаялся. Не желает больше баловаться.

– Понятно.

Леха закинул голову к небу. Сощурился, глядя на внезапно разволновавшуюся сороку, и спросил: чем они тут в лесу занимаются.

– Живем, – ответил Миколка.

– Это я понимаю. Что делаете?

– Тятенька лес сторожит, я его жду.

– Он лесник?

– Да. А ты кто?

– Я? Я художник.

– Это кто?

Леха задумался.

– У вас дома бумага с карандашами найдутся?

– Нет.

– Ну, ничего, – хлопнув ладонями по коленям, Леха встал. – Ты пока поси-ди здесь, а я пойду в избу, возьму в печи уголек, потом приду и покажу тебе, кто такой художник... Договорились?

Леха вбежал в дом. Вынул из печи остывший уголек и вышел на крыльцо.

Мальчика на дворе не было.

Леха спустился вниз. Посмотрел в огород и к своему неописуемому ужасу увидел волка, волочившего Миколку за воротник шубы. Вытянув руки вдоль те-ла, Миколка скользил по снегу на спине и, как показалось Лехе, весело смеялся, думая, что с ним играют.

– Не уберег! – взвыл Леха.

Заметив прислоненные к завалинке широкие лыжи, схватил их. Нацепил на ботинки и побежал вслед за волком.

Глава пятая

Волки

Несмотря на то, что волк, проваливаясь в глубоком снегу, бежал не быстро, Лехе никак не удавалось догнать его.

Они пересекли полянку, углубились в лес, пробежали заросший редким ку-старником пологий длинный овраг, поднялись на пригорок и спустились к кру-тому берегу замерзшей реки.

На берегу, волк остановился. Выпустив воротник Миколкиной шубы, поло-жил лапу ему на плечо и с вызовом посмотрел на приближающегося Леху.

Не успел Леха решить, что делать дальше, как из-за поваленных деревьев вышло еще шесть волков. Неторопливо двигаясь, они окружили его и угрожающе зарычали.

– Вы это чего? – испуганно прошептал Леха.

Обнажив зубы, волки зарычали еще громче.

– Вы... вы не подумайте, я вам не враг. Я... я тут случайно... За мальчиком...

Старая волчица, находившаяся ближе всех к Лехе, выдвинулась чуть вперед. Присела на задние лапы и, сжавшись в тугий комок, приготовилась к прыжку.

Леха понял, что пропал. Он сорвал с головы шапку и в сердцах бросил себе под ноги.

– Ладно! – закричал. – Ели уж вам очень хочется, давайте, нападайте на меня! Только Миколку не трогайте! Без него ваш волчонок пропадет!

Обескуражено посмотрев на Леху, волчица замерла.

– А ведь он такой маленький, такой рыженький! – продолжал вопить Леха. – И он так любит Миколку!

Услышав свое имя, мальчик заерзал на снегу.

– Волчок, должно быть, умаялся, – сказал он. – И баловаться со мной боль-ше не желает.

Услышав слова ребенка, старая волчица заволновалась. С тоской посмотрела на Леху и жалобно заскулила.

– Хочешь, чтобы я показал, где твой щенок? – догадался Леха. – Нет ничего проще, пошли! – Подняв шапку, он развернулся и решительно направился в сто-рону леса.

Волки подняли головы и вслед за волчицей, схватившей за ворот Миколку, не спеша, потрусили к избушке лесника.

Во главе волчьей стаи Леха поднялся на пригорок. Пересек поросший мо-лодняком пологий длинный овраг, вышел из леса и направился к избушке лес-ника.

Запах человеческого жилья испугал волков. Достигнув опушки, они в нере-шительности остановились, и только старая волчица, волочившая Миколку за воротник шубы, по-прежнему не отставала от Лехи ни на шаг.

Леха подошел к избе, снял лыжи, прислонил к завалинке, как вдруг... Дверь из сеней настезь распахнулась, и на пороге появился Козьма с ружьем.

Вскинув его, Козьма прицелился в волчицу.

Крикнув: «Не надо!», Леха бросился к нему.

– Уйди, Лешка!

Сделав шаг в сторону, лесник снова прицелился. Леха, раскинув руки, снова встал между ним и волчицей.

– Она же утащит его! – опустив ружье, в отчаянье закричал Козьма.

– Наоборот! Она принесла его!

– Дык... – Козьма удивленно посмотрел на Леху.

Пока он соображал над тем, что означают эти слова, из открытых дверей дома выбежал проснувшийся волчонок. Увидев мать, радостно тьякнул и, размахивая хвостом, помчался к ней через двор.

Отпустив воротник шубы Миколки, волчица неподвижно застыла.

Решив, что игра закончилась, мальчик встал на ноги. Снял рукавички и, присев на корточки, протянул волчонку ладонь.

– Подь сюды!

Однако волчонку было не до Миколки. Он с упоением прыгал вокруг матери и радостно повизгивал, всем своим видом выказывая радость от встречи.

– Ишь ты! – хмыкнул Козьма.

Волчица внимательно обнюхала волчонка. Схватила его за загривок и осторожно понесла в сторону леса. Пробежав несколько метров, остановилась, повернулась всем телом и внимательно посмотрела на людей.

– Смотрит, будто сказать чего хочет, – покачивая головой, удивленно произнес Козьма.

– Она, тятенька, хочет сказать Леше, что когда-нибудь обязательно отблагодарит его.

Козьма засмеялся. Потрепал сына по плечу и повел греться в избу.

Глава шестая

В избушке лесника

Подождав, когда Козьма зажжет новую лучину, Леха продолжил рассказ о встрече с ведьмой Аглаей.

– Ну вот... После того, как ваша соседка ведьма Аглая потребовала у меня за возвращение домой выполнить три ее желания, я, естественно, в ответ хлопнул дверью.

– Что за желания? – высунув голову с печи, спросил Миколка.

– Достать Степенную книгу – раз. Пойти туда не знаю куда, принести то не знаю что, но чтобы этого, как вы сами понимаете, ни у кого больше не было – два. И, наконец, самое противное, третье, спеть и сплясать... Нет, вы представляете! – обращаясь к Козьме, возмущенно воскликнул Леха. – Она захотела, чтобы я ей спел и сплясал! Каково, а!

– Что такое Степенная книга, врать не буду, не скажу, – после небольшого раздумья, ответил Козьма. – А вот что касается всего остального... Дык, мог бы и сплясать, чать, не переломился бы.

– Ну, знаете ли!

– Ты, тятенька, не понимаешь! – зазвенел колокольчик. – Спеть и плясать не долго. Но надо ж и другие желания исполнить.

– Вот именно! – обрадовался неожиданной поддержке Леха. – А как?

Козьма еще раз задумался.

– Как-как? Не знаю. Надо людей поспросить.

– Каких людей?

– Умных.

– Да где же в лешем лесу найдешь их, умных-то?

Козьма обиделся. Не поднимая глаз, встал с лавки, поправил лучину и сел обратно.

– Я завтра в город поеду, сено на торжище повезу. Ежели хочешь, айда со мной.

– А что, поехали! – обрадовался Леха предложению хозяина. – Ведьма Аглая говорила, что будет ждать меня завтра на поварне царского дворца. А дво-рец, насколько я понимаю, находится в городе. Так?

– Где ж ему еще-то бывать?

– Ну вот. Значит, и Степенная книга должна быть там же.

– Может быть.

Козьма с сожалением посмотрел на догорающую лучину. Протяжно зевнул и, перекрестив открытый рот, предложил укладываться спать.

До Нового года осталось четыре дня.

Глава седьмая

Дорога

Удобно устроившись в санях рядом с Козьмой, лениво подергивающим вожжи, Леха всю дорогу до города дремал, мечтая о том, что когда-нибудь обя-зательно нарисует картину, где будет изображена вьющаяся среди бескрайнего леса дорога, подернутые хрустальным инеем деревья и неказистая крестьянская лошадка, из века в век тянущая наполненные сеном воз.

– Эй, проснись! Глянь-ка! – Козьма кивнул в сторону не до конца замерз-шего болотца на краю дороги.

– Чего там? – сонно пробормотал Леха.

– Утка.

– И что?

– Как что? Время-то нынче какое? Студень!

– Какой еще студень? – открыл глаза Леха. – Ах, да, студень! Декабрь, зна-чит.

Приподнявшись на локтях, он посмотрел в указанную Козьмой сторону.

– И вправду! Чего ж это она, глупенькая, осенью вместе со всеми не улете-ла?

– Видать, не смогла.

Сани медленно прокатили мимо болотца.

– И что теперь с ней будет? – обеспокоено спросил Леха.

– Покуда вода не замерзла, думаю, поживет еще.

– А потом?

– А потом, – Козьма равнодушно пожал плечами, – пропадёт, поди.

Леха угрюмо насупился. Несколько секунд молча смотрел себе под ноги, за-тем спрыгнул на дорогу.

Козьма натянул вожжи.

– Куда ты?

Леха молча подошел к краю полыньи. Стараясь не делать резких движений, опустился на колени, протянул руки к утке и аккуратно, чтобы не повредить крылья, схватил ее.

– На кой она тебе? – спросил Козьма.

Леха отряхнул еле живую утку от воды. Сказал, что негоже оставлять пропа-дать на морозе живое существо. Вытер мокрые руки о рукава пальто и напра-вился к саням.

Они въехали в город через ворота высокой крепостной стены, по краям ко-торой стояли две огромные сторожевые башни.

– Просто чудо света какое-то! – потрясенный размерами строений, про-шептал Леха.

Козьма довольно хмыкнул.

– Разве это чудо! – сказал он. – Вот, сказывают, есть на свете чудо, так чу-до!

– Да ну?

– А ты послушай-ка! – понизив голос, Козьма громко зашептал: – В море остров был кру-той, не привальный, не жилой; он лежал пустой равниной; рос на нем дубок единый; а теперь стоит на нем новый город со дворцом...

– Знаю, знаю! – перебил Леха. – Стены с частыми зубцами, и за белыми стенами блещут маковки церквей и святых монастырей... В пятом классе прохо-дили.

– Да, с зубцами, – согласился Козьма. – А ты вот еще послушай... Ель рас-тет перед двор-цом, а под ней хрустальный дом; белка там живет ручная, да за-тейница какая! Белка песенки поет да орешки всё грызет, а орешки не простые, всё скорлупки золотые, ядра – чистый изу-мруд!

– Но, быть может, люди врут? – ехидно поинтересовался Леха. И тут же, не давая Козьме возразить, добавил: – Всё знаю! И про белку, и про тридцать три богатыря, и про их сестрицу – царевну-лебедь. Всё! Но дело в том, что это, – он обвел рукой крепостные стены, – совсем другое. Это настоящее, материальное!

– Что, значит, «материальное»?

– Это можно потрогать!

Леха соскочил с саней. Удерживая полусогнутой рукой утку под пальто, подбежал к стене.

– Вот смотрите! Сейчас я протяну ладонь и... дотронусь до нее.

Он вытянул руку и, закрыв глаза, медленно коснулся стены.

– Я же говорил! – разочарованно, оттого что стена, город, а значит, и ведь-ма оказались настоящими, Леха тяжело вздохнул. Опустил руку и понуро по-плелся к саням.

Козьма тронул вожжи.

– А может, и не врут, – задумчиво посмотрев куда-то вверх дороги, возразил он. – Может, та стена с частыми зубцами, тоже, как ты говоришь, матери-яльная... Кто знает.

Козьма замолчал и больше до конца пути не проронил ни звука.

Лошадка побежала веселее. Ее уже не надо было подгонять – казалось, она сама знала, в каком месте следует повернуть, чтобы добраться до трактира, где, как полагал Леха, Козьма останавливался всякий раз, когда приезжал в город.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.